МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ “ФЕНОМЕНОЛОГИЯ В РОССИИ” (СЕНТЯБРЬ, 2005 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Н.А. Печерская

14–17 сентября 2005 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция “Россия и феноменологическая традиция”, организованная Институтом “Высшая религиозно-философская школа” (ВРФШ). В ее проведение внесли весомый вклад несколько исследовательских центров, связанных с феноменологическим движением: научный семинар “Orbiculus phenomenologicus” (ВРФШ, С.-Петербург); Учебно-научный центр феноменологической философии (РГГУ, Москва), философский факультет Европейского гуманитарного университета (Минск–Вильнюс) и, наконец, Центр современных феноменологических исследований (Center for Advanced Research in Phenomenology, Inc.) философского факультета Атлантического университета Флориды (США).

Мы хотели бы предварить публикацию избранных материалов конференции коротким очерком ее замысла. Организаторы конференции ставили своей задачей исследование специфики и исторических особенностей развития феноменологической философии в России. О растущем интересе феноменологов и историков философии, как в России, так и на Западе, к истории русской феноменологии свидетельствуют многочисленные современные публикации, в которых проводится сопоставительный анализ русской и западной традиций. Для отечественного и зарубежного читателя публикуемые на языке оригинала и в переводах работы русских феноменологов (Лосева, Шпета, Лосского, Ильина, Франка, Мамардашвили) представляют особый интерес, поскольку в ряде случаев в них угадываются альтернативные – по отношению к гуссерлевскому и шелеровскому – проекты феноменологии. Поэтому словосочетание “феноменологическая традиция” в названии конференции не указывает на некую жестко фиксированную “систему положений” или определенный перечень философских школ, но подразумевает скорее специфиче-

ский метод исследования в философии, сохраняющий тем не менее определенную генетическую и творческую связь с исходным замыслом Гуссерля.

Приоритетной целью конференции было обсуждение своеобразия русской феноменологии и той методологической роли, которую феноменология сыграла в русской философии в целом уже на раннем этапе своего развития. Разумеется, к задачам конференции относилось и рассмотрение влияния немецкой феноменологии на развитие русской феноменологической мысли на начальном этапе ее становления. Но чрезвычайно важно было также соотнести оригинальные исследовательские попытки русских мыслителей с тем, что происходило на Западе на протяжении всего XX в.

Специальный интерес представляли феноменологические исследования периода 1960–1990 гг. (Какабадзе, Свасьян, Михайлов, Мотрошилова, Гайденко, Молчанов и др.). К началу 80-х годов в России и советских республиках уже сложилась известная традиция исследования феноменологической философии, и организаторы конференции полагали, что сегодняшняя российская феноменология во многом следует основным направлениям, заданным теми теориями, обсуждению которых были посвящены некоторые доклады.

Феноменологическая философия как на Западе, так и в России уже на раннем этапе была включена в диалог с литературной критикой и одной из своих задач считала анализ восприятия художественного произведения. Исследованию диалога "искусства и феноменологии" в России в первой половине XX в., влиянию феноменологического подхода на русский формализм и структурализм, на художественные манифесты русского авангарда отводилось существенное место в программе конференции. Замечательно и то обстоятельство, что конференция прошла в Мемориальном музее А.А. Ахматовой ("Фонтанном доме") в интерьерах выставки, посвященной русскому авангарду.

Но феноменология – не только "музейный экспонат", но и живая область исследований. Многие талантливые философы в России работают в этой традиции и сегодня. Специальное заседание в последний день конференции было посвящено представлению конкретных феноменологических проектов, над которыми работают ученые и исследовательские группы в России и за рубежом.

Организаторы надеются, что прошедшая конференция взаимно обогатила российских и западных феноменологов и способствовала обретению российской феноменологией своего более отчетливо очерченного и осознанного места в рамках феноменологического движения в целом.

* * *

Тезисы конференции опубликованы на английском языке в издательстве ВРФШ при поддержке Международной организации феноменологических организаций (О.Р.О., США) и Образовательного центра "Религия и наука" при ВРФШ в рамках программы "Глобальные перспективы науки и духовности" (GPSS, Франция).

ФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ И НЕФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Людвиг Венцлер

1. НЕВИДИМАЯ ЛИЧНОСТЬ

Среди известных нам "видов" действительности личное бытие – безусловно, высший и наиболее значимый. Что значит быть личностью, – известно всем нам. Личное бытие предполагается нами в качестве некоей реальности. Но что означает личное бытие, не может быть непосредственно усмотрено, и равным образом, существование личности не может быть каким-то образом доказано. Личное бытие невидимо. Личность не может стать феноменом, по крайней мере, в том случае, если под феноменом мы понимаем некое оптическое явление.

Кант явно говорит о незримости Самости (des Selbs) в Заключении "Критики практического разума": "Две вещи наполняют душу всегда новым и все возрастающим изумлением и благоговением... : звездное небо надо мной и моральный закон во мне". Об этом моральном законе во мне Кант говорит, что "он берет начало в моей незримой Самости, моей личности, и представляет меня в мире, который поистине обладает бесконечностью, но бесконечностью ощутимой только рассудком"[1].

Однако если мы понимаем феномен в смысле феноменологии Гуссерля как то, что дано в сознании, то тогда без сомнения мы можем сказать, что такое содержание сознания как "личность" нам дано. Но поначалу еще не ясно, что составляет значение, генезис и законное основание этой данности. По сравнению с другими феноменами, связанными с предметностями, видимыми объектами и т.п., личность – "ненадежный феномен", дву-

[1] Akademie-Ausgabe V, 161 f. (=A 289).